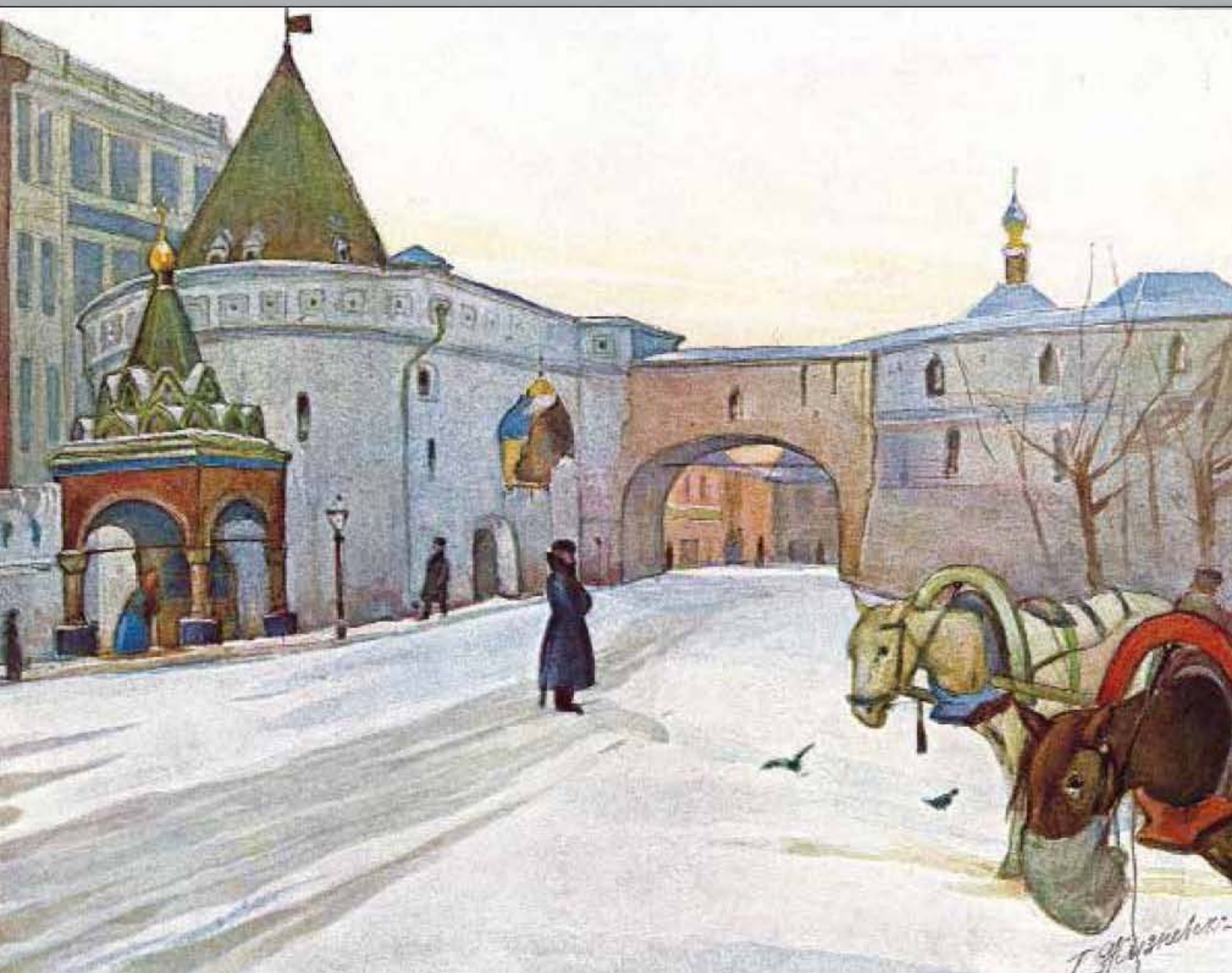

№ 1 (289). ЯНВАРЬ 2015

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Г. Р. ЖИЗНЕВСКИЙ. ВАРВАРСКИЕ ВОРОТА.
ЛИТОГРАФИЯ. НАЧАЛО XX ВЕКА

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карзинным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов

Художник-верстальщик:

С. В. Певцова

Редактор-корректор:

Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского». 2015

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва, Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован Государственным Комитетом РФ по печати. Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 28.11.2014.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик рецензируются.

В НОМЕРЕ:

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

2 Валерий Анатольевич Любартович
Просветитель
К 60-летию архивиста, краеведа, педагога
В. Ф. Козлова

ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОММЕНТАРИИ

5 Игорь Матвеевич Юдин
Было или не было?
Еще раз о возможном знакомстве
М. Ю. Лермонтова с А. С. Пушкиным

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

14 Любовь Евгеньевна Городнова
Поэзия и реальность
Тамбов 1830-х–1840-х годов
в поэме М. Ю. Лермонтова
«Тамбовская казначейша»
и в действительности

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

26 Наталья Адольфовна Дорофеева
**Российские артисты-эмигранты
в Китае**
С. А. Реджи (1896–1961),
Б. Червонная (1909–1975),
И. Н. Мерабишвили (1907–?),
братья Л. А. (1905–1983)
и Е. А. (1910–1985?) Муцеевы

ДАТЫ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

38 Анатолий Владимирович Черняев,
Сергей Иванович Бажов
Республика ученых
Российская академия наук: идея и история.
К 290-летию со дня основания

ТРУДЫ И ДНИ

46 Галина Владимировна Аксенова,
иеромонах Роман (Сокольников)
«Истинный учитель веры»
Жизнь и деятельность
епископа Якутского и Вилюйского
Иакова (Домского. 1823–1889)

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

59 Ольга Георгиевна Фомичева
(1938–2014)

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

60 Татьяна Феликсовна Кузнецова
Старшая дочь зодчего
О чем рассказало давнее письмо

ТРАДИЦИИ

63 Мария Вячеславовна Артюшенко
«Во славу веры донцов»
Московский Донской монастырь
и казачество

ПО РОССИИ

74 Ирина Владимировна Грачева
Дединово
История и день сегодняшний
этого старинного русского села

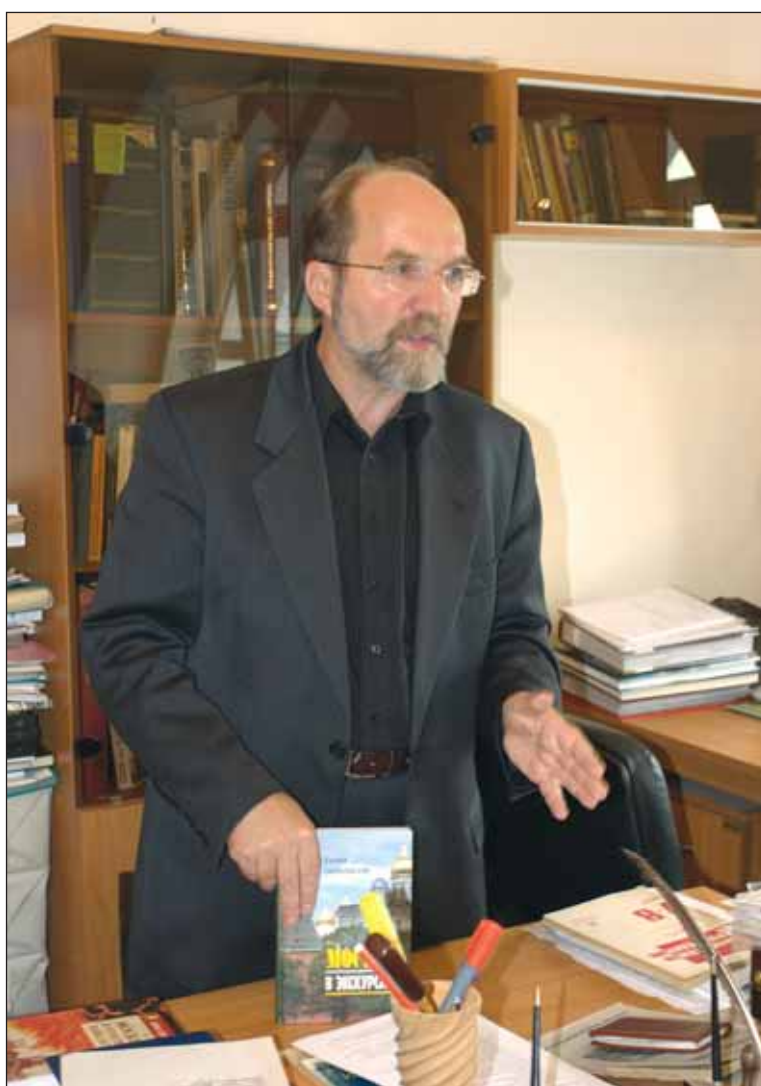
НА НИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

85 Галина Владимировна Сорокина
Скоропечатня
О деятельности московского издателя
А. А. Левенсона (1851–?)

Валерий Анатольевич Любартович

Просветитель

**К 60-летию архивиста, краеведа, педагога
Владимира Фотиевича Козлова**

Размышляя о жизненном призвании В. Ф. Козлова, о его многогранной научной, преподавательской и общественной деятельности, неизбежно сталкиваешься с проблемой выделения здесь чего-то наиболее значимого. Но, думается, все области приложения творческого потен-

циала Владимира Фотиевича одинаково ценны для сообщества его учеников, коллег и друзей — для тех, кого он заряжает своей неугасающей энергией, направленной на становление и развитие в России такой важнейшей сферы гуманитарного знания, как историческое краеведение.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Он родился 16 января 1955 года в Гродно, в семье военнослужащего. Среднее образование завершил в Крыму. После прохождения службы поступил в 1976 году в Московский государственный историко-архивный институт. Во время учебы вплоть до окончания МГИАИ (1981) Владимир Козлов демонстрировал отличные успехи по всем дисциплинам, был активным общественником, занимался в студенческом научном кружке под руководством корифея исторической науки и регионального краеведения профессора С. О. Шмидта. Тесное общение с Сигурдом Оттовичем дало ему четкие ориентиры в профессии, воспитало стремление к кропотливому труду по изучению истории и культурного наследия Москвы.

Мое личное знакомство с В. Ф. Козловым состоялось в конце 1980-х годов, когда он вскоре после защиты кандидатской диссертации (1984) пришел на работу в Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Заведуя в музее отделом, он одновременно проводил занятия, а также авторские экскурсии для всех интересовавшихся церковным краеведением. Мне, начинающему краеведу, были особенно полезны приобретаемые на его лекциях знания по истории православной Москвы, в то время практически недоступные широкому кругу людей.

Помню, насколько важное значение для формирования круга моих исследовательских интересов имели статьи В. Ф. Козлова в журналах «Архитектура и строительство Москвы» и «Московский журнал» о разрушении памятников церковного зодчества. Тогда почти одновременно с этими работами появились книги П. Г. Паламарчука «Сорок сороков» о сохранившихся и исчезнувших храмах Москвы, выпущенные в Париже издательством ИМКА-пресс. В. Ф. Козлов своими публикациями на основе архивных источников существенно дополнял почерпнутые П. Г. Паламарчуком из литературы XIX — начала XX века и сообщений московских старожилов сведения, стимулируя тем самым углубление современных историко-краеведческих изысканий.

В середине 1990-х годов я занялся изучением истории застройки Басманных улиц столицы, и Владимир Фотиевич стал моим доброжелательным наставником в архивной работе. На тот момент он уже трудился в Московском городском объединении архивов и оказал мне — инженеру по образованию, не знакомому с методикой ар-

хивного поиска, — существенную помощь в ориентации по фондам документов. О тех днях тесного общения с В. Ф. Козловым я сохранил самые приятные воспоминания. Позднее, когда возникла нужда в неопубликованной информации о судьбе конфискованных государством после революции церковных ценностей, Владимир Фотиевич передал мне свои тетради с выписками из архивных дел и безоговорочно настоял на введении этих сведений мною в научный оборот.

В те годы В. Ф. Козлов уже заведовал кафедрой музейного дела в МГИАИ, обретая заслуженный авторитет у многочисленных учеников и коллег. Он создал систему преподавания комплекса учебных дисциплин для формирования специалистов музейного и архивного дела, написал множество учебно-методических пособий и опубликованных в научной периодике статей, руководил аспирантами, продолжал исследования по старообрядческим памятникам Москвы и некрополистике, проводил экскурсии для студентов, знакомя их с московской церковной стариной.

Важным этапом жизненного пути В. Ф. Козлова стало участие в разработке издательской политики Правительства Москвы. В конце 1990-х годов столичные власти приняли программу введения преподавания москвоведения в школах города и выпуска краеведческой литературы. Владимир Фотиевич в качестве главного редактора возглавил издательский центр «Москвоведение». За время существования этой структуры под руководством В. Ф. Козлова сформировался работоспособный коллектив высококвалифицированных авторов, редакторов и художников. Итог деятельности издательского центра — множество учебников и учебных пособий, путеводителей и монографий, альбомов и брошюр, адресованных читательской аудитории разного возраста и разного образовательного уровня. Москвичи получили значительный объем актуальной достоверной информации по истории города, которая ныне активно используется в экскурсионной работе и в образовательных программах. Сам В. Ф. Козлов подготовил (совместно с А. В. Святославским) к выпуску в 2007 году интереснейшие путеводители «По Москве пешком», «По старым московским окраинам». Результатом его собственных многолетних исследований явилась фундаментальная монография

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

«Москва старообрядческая. История. Культура. Святыни» (М., 2011). В то же время Владимир Фотиевич продолжал заниматься изучением межнациональных отношений в Москве, став редактором и составителем сборников «Москва многонациональная» (М., 2006, 2014). Велик его вклад и в создание многотомной «Московской энциклопедии».

Поистине всероссийскую известность снискала общественная деятельность В. Ф. Козлова в качестве председателя Совета Московского краеведческого общества, а с 2007 года — еще и председателя Союза краеведов России. Именно тогда коллеги присвоили ему шуточный «патриарший» титул — «Краевед Московский и всяя Руси». На базе руководимых им Отделения краеведения и историко-культурного туризма, а также кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ проходят всероссийские и региональные конференции, симпозиумы, семинары, студенческие научные форумы. Владимира Фотиевича хорошо знают краеведы в разных городах страны, куда он часто выезжает. Под его кураторством выстраивается сеть региональных отделений (филиалов) Союза краеведов России, формируются целевые научные программы.

Свидетельство возросшего авторитета и высокой общественной оценки краеведческих заслуг В. Ф. Козлова — приглашение в состав Экспертной комиссии Комитета по присуждению академической Макариевской премии, главной на сегодня в России премии в области истории. Сам В. Ф. Козлов удостоился премии имени академика Д. С. Лихачева «За выдающийся вклад в сохранение культурного наследия России» (2008), орденов и грамот Русской Православной Церкви и Русской Православной Старообрядческой Церкви.

В последнее время (естественно!) стали чрезвычайно востребованными результаты его давних работ, касающихся исторических памятников Крыма. Владимир Фотиевич постоянно выезжает туда для проведения различных историко-архивных и историко-краеведческих мероприятий, консультирует правительственные и общественные организации РФ и Республики Крым по вопросам соиздания культурного пространства этой древней земли, способствует сплочению научных сил москвичей и крымчан.

В. Ф. Козлов — маститый ученый-архивист, профессор вуза, увлеченный делом

Фотографии 2009—2014 годов

воспитания и образования молодежи, автор многих книг, талантливый организатор музейного и издательского дела, страстный пропагандист краеведческих знаний на телевидении, в печати, в передачах «Народного радио». На фоне такого многообразия устремлений наиболее емким словом, определяющим суть жизненного делания Владимира Фотиевича, будет, смею предположить, слово «просветитель». И правда: чему, как не просвещению соотечественников, отданы все его помыслы, все его неустанные труды?

«Московский журнал» присоединяется к сказанному и от всей души желает Владимиру Фотиевичу Козлову — нашему давнему постоянному автору, члену редколлегии журнала — успешного продолжения его научной и общественной деятельности, крепкого здоровья и многая-многая лета!

Игорь Матвеевич Юдин

БЫЛО ИЛИ НЕ БЫЛО?

Еще раз о возможном знакомстве
М. Ю. Лермонтова с А. С. Пушкиным

*О. А. Кипренский. Портрет поэта
Александра Сергеевича Пушкина.
Холст, масло. 1827 год*

*П. Е. Заболоцкий. Портрет поэта
Михаила Юрьевича Лермонтова.
Холст, масло. 1837 год*

Этот вопрос интригует общественность на протяжении уже двух столетий. Однако даже профессиональные литературоведы затрудняются в ответе на него, поскольку имеющиеся сведения противоречивы.

* * *

Известны четыре сообщения о знакомстве поэтов, но только первое принадлежит их современникам. Литератор В. П. Бурнашев со ссылкой на Н. Д. Юрьева, родственника и друга Лермонтова, свидетельствует: «Лермонтов <...> имел случай незадолго до роковой катастрофы познакомиться лично с Александром Сергеевичем»¹. Сам Бурнашев с Михаилом Юрьевичем знаком не был.

А. Н. Пыпин, один из первых биографов Лермонтова, во вступительной статье к собранию его сочинений писал: «Говорят, что Лермонтов незадолго до того (смерти Александра Сергеевича. — *И. Ю.*) имел случай лично познакомиться с Пушкиным»². Статья Пыпина изобилует указаниями на источники, но по данному поводу сноски нет.

В монографии «Михаил Юрьевич Лермонтов» П. А. Висковатова, получавшего сведения от знакомых погибшего поэта, есть строки о том, что «Лермонтова <...> страшно поразила смерть Пушкина. Он благоговел перед его гением и весьма незадолго до дуэли познакомился с ним лично: поэты встретились в литературных кружках»³. При этом автор ссылается на уже упомянутого В. П. Бурнашева.

И, наконец, известный в ту пору историк литературы А. М. Скабичевский, автор книги «М. Ю. Лермонтов...», ни на кого не ссылаясь, по существу повторяет своих предшественников: Михаил Юрьевич «как говорят, незадолго перед тем (смертью Пушкина. — *И. Ю.*) имел случай познакомиться с обожаемым поэтом»⁴.

Несложно заметить, что во всех четырех сообщениях отсутствуют пояснения о том, где, когда и в присутствии каких лиц поэты познакомились. Слово «говорят» определенно указывает на создаваемую биографами Лермонтова (биографов Пушкина, похоже, это волнует меньше) ненадежность использованных сведений. Обращает также внимание сходство речевых оборотов — заимствование из воспоминаний Бурнашева очевидно.

Доверия не вызывают и сами воспоминания, приобретающие здесь значение первоисточника. Впервые они были опубликованы спустя три десятка лет после смерти Лермонтова. Предваряя многостраничное повествование, издатель и составитель журнала «Русский архив» П. И. Бартенев делает весьма существенное замечание, вероятно, согласованное с мемуаристом: «Хотя автор составлял эти свои Воспоминания по ежедневнику, но в подробностях он, очевидно, прибавляет то, что ему приходило на память уже теперь, и потому, конечно, сам не может ручаться за дословную точность сообщаемых сведений. <...> Кто знает ближе и вернее, да не поспеет на сообщение»⁵. Просмотр журнала за последующие годы его издания ожидаемого сообщения не выявил.

Высказываниям об имевшем место знакомстве поэтов противостоят свидетельства двух современников Лермонтова. Первое принадлежит его однополчанину и приятелю графу А. В. Васильеву (1809—1899) в передаче литератора П. К. Мартыанова. По году рождения (1827) Мартыанов находился вне круга друзей Лермонтова и Пушкина и не был с ними знаком, но активно собирал сведения о жизни Михаила Юрьевича «от лиц, знавших поэта лично». В 1870 году он опубликовал большую статью о Лермонтове, в которой вопрос о знакомстве вообще не затрагивается⁶. Однако в его записной книжке, увидевшей свет в 1893 году, спустя шесть десятилетий после излагаемых событий, сообщается: «Граф Васильев жил в одной квартире с поручиком Гончаровым, родным братом супруги А. С. Пушкина. Через него он познакомился с поэтом и бывал у него впоследствии нередко». Пушкин, «по словам графа, не был лично знаком с Лермонтовым, но знал о нем и восхищался его стихами. — «Далеко мальчик пойдет, говорил он»⁷. Итак: знаком не был, но стихи знал. Из другого источника следует, что «князь Вяземский, как и А. С. Пушкин, принимал участие в графе Васильеве, который до глубокой старости любил писать стихи, но, кажется, не печатал их»⁸. Вероятно, склонность Васильева к сочинительству расположила к нему Лермонтова, хотя некоторые гусары считали занятие поэзией несовместимым с достоинством офицера. При случившемся личном знакомстве поэтов граф Васильев, конечно, рассказал бы об этом П. К. Мартыанову и, наверное, пояснил, какие именно лермонтовские стихи вызвали восторг Пушкина, заметившего, что их автор «далеко пойдет». По мнению историка литературы В. Б. Сандомирской, мемуары П. К. Мартыанова являются малодостоверными⁹.

Второе свидетельство получено от родственника и близкого друга Лермонтова Аким Павловича Шан-Гирея. В своем «Рассказе» о поэте, оконченном в 1860 году и опубликованном в 1890-м, он пишет: «Лермонтов не был лично знаком с Пушкиным, но мог и умел ценить его»¹⁰. Аким навещал Лермонтова в Школе юнкеров, а в 1835—1836 годах часто бывал у него дома: они играли в шахматы и военную игру, поэт диктовал ему свои сочинения, обсуждал их и даже посвящал в свои творческие планы. После гибели Михаила Юрьевича Шан-Гирей разбирал его личные вещи, бумаги и рукописи. Оставил о нем воспоминания, которые принадлежат к числу наиболее достоверных¹¹.

В результате анализа вышеизложенного можно полагать: говоря о состоявшемся знакомстве Лермонтова с Пушкиным, Пыпин, Висковатый и Скабичевский некритически

воспроизводят свидетельство Бурнашева, которое является сомнительным. Сообщение А. В. Васильева в передаче П. К. Мартыанова о том, что поэты не были знакомы, не вызывает полного доверия, зато аналогичное по смыслу свидетельство А. П. Шан-Гирея, полученное из первых рук и от близкого Лермонтову человека, кажется вполне убедительным. Однако в целом вопрос остается дискуссионным.

Определенный интерес в данной связи представляет переписка поэтов: эпистолярный жанр скорее других располагает к откровенности. До нас дошло пятьдесят четыре письма Лермонтова, а из писем к нему — только десять. Ни в одном из них имя Пушкина не упомянуто¹². Что касается писем Пушкина, а их без малого восемьсот, и писем к самому Александру Сергеевичу, то имени Лермонтова в них тоже нет¹³. Таким образом, сохранившееся эпистолярное наследие не дает оснований утверждать, что поэты были знакомы, хотя и не доказывает обратного.

Не менее спорной в литературоведении является тема возможного знакомства Пушкина с творчеством Лермонтова. Это интересно не только само по себе, но важно и по другой причине: если бы стихи Лермонтова — изданные, в списках или при салонном прочтении — стали Александру Сергеевичу известны, да еще получили бы его высокую оценку, личного знакомства поэтам не миновать. И, следовательно, вопрос о знакомстве старшего поэта с творчеством младшего можно рассматривать как часть проблемы их личного знакомства, что далее впервые и делается.

В середине 1830-х годов Пушкин — общепризнанный гений русской словесности и кумир столичного общества. Публика вставала и аплодировала, когда он входил в театральные залы. Еще при жизни Пушкина многие его произведения были переведены на европейские языки. Лермонтов к тому времени написал два десятка стихотворений и поэму «Хаджи-Абрек», но опубликовал до гибели Александра Сергеевича только поэму и стихотворение «Весна».

«Весна» появилась в журнале «Атеней» в 1830 году за подписью «L». Журнал существовал только два года, но в нем сотрудничали такие известные литераторы, как А. И. Герцен, Ф. И. Тютчев, Е. А. Баратынский, Н. В. Станкевич, М. Н. Загоскин, С. Е. Раич. На фоне этих имен стихи начинающего пятнадцатилетнего поэта не были замечены читателем. Лермонтов немало огорчился и следующие пять лет ничего не отдавал в печать. Поскольку «Атеней», отстаивая принципы классицизма, выступал как бы против художественно-реалистической позиции Пушкина, тот, вероятно, следил за публикациями издания: шесть частей журнала за 1828 год в переплетах сохранились в библиотеке Александра Сергеевича. Однако номер «Атеней» со стихотворением Лермонтова «Весна» в пушкинской библиотеке отсутствует, и каких-либо упоминаний о знакомстве Пушкина с «L» не обнаружено.

В 1833–1834 годах Лермонтов написал поэму «Хаджи-Абрек». Его товарищ по Школе юнкеров Николай Манвелов позже рассказывал, что в год производства Лермонтова в офицеры (1834) молодой сочинитель передал список поэмы своему преподавателю словесности Василию Тимофеевичу Плаксину. Прочитав «Хаджи-Абрека», Плаксин тут же, на кафедре, приподнявшись со стула, торжественно произнес: «Приветствую будущего поэта России». В августе 1835 года без согласия автора в петербургском журнале «Библиотека для чтения» (тираж 5000 экземпляров — очень большой для того времени) поэма была опубликована за подписью «Лермантовъ». Рукопись выкрал, не сумев уговорить друга, Николай Юрьев и отнес в «Библиотеку для чтения»: «Лермонтов был взбешен; по счастью, поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех» (А. П. Шан-Гирей). Осип Иванович Сенковский, литературный критик и тогдашний редактор журнала, был от нее в восторге, без колебаний разрешил публикацию и даже просил передать автору, что «его стихотворения все, сколько бы он их не давал, будут напечатаны». По существу, только это произведение Лермонтова могло стать известно Пушкину.

Из анализа фундаментального труда «Библиотека А. С. Пушкина» Б. Л. Модзалевского следует, что почти все тома «Библиотеки для чтения» за 1834–1835 годы, включая том XI с лермонтовской поэмой, там наличествуют «в переплетах; заметок нет»¹⁴. Приведенный здесь же список авторов журнала этого периода содержит 57 имен с окончанием «и другие» — в число «других», очевидно, и вошел тогда мало кому известный Лермонтов. В предисловии Б. Л. Модзалевский поясняет: «При каждой книге указано, в переплете она или нет: если относительно книг с разрезанными листами можно еще с большей или меньшей вероятностью утверждать, что они Пушкиным были читаны, то про

книги переплетенные, но не имеющие заметок (как в данном случае. — *И. Ю.*), этого сказать нельзя даже предположительно». И далее: «Пушкин читал почти всегда с пером в руках: страницы русских альманахов и разных других брошюр были покрыты его заметками». Вместе с тем книги нередко приобретались поэтом впрок — чтение и даже просмотр их откладывались до подходящего случая. Последующие исследователи труда Модзалевского подчеркивали, что выводы делались им крайне осторожно и обладают высокой надежностью. Свидетельства самого Александра Сергеевича о прочтении им «Хаджи-Абрека» не обнаружены. Суммируя сказанное, можно уверенно полагать: Пушкин с поэмой Лермонтова знаком не был.

Однако существуют свидетельства В. Г. Белинского, А. В. Васильева и В. С. Глинки о том, что Пушкин все-таки знал стихи Лермонтова. И, казалось бы, эти свидетельства современников обоих поэтов не должны вызывать сомнения — ведь ко всему прочему Белинский был лично знаком с Лермонтовым, а Васильев — также и с Пушкиным.

Фразу В. Г. Белинского из его статьи о Е. А. Баратынском — «Талант застал и оценил Пушкин еще при жизни своей»¹⁵ — в литературоведении устойчиво относят к Лермонтову. Но вот эта фраза в полном контексте: «Давно ли г. Баратынский, вместе с г. Языковым, составлял блестящий триумвират, главою которого был Пушкин? А между тем, как уже давно одиноко стоит колоссальная тень Пушкина и, мимо своих современников и сподвижников, подает руку поэту нового поколения, которого талант застал и оценил Пушкин еще при жизни своей!» Имя Лермонтова здесь отсутствует, а в примечании указано: «Речь идет о Гоголе, чьи первые произведения вызвали восторг Пушкина»¹⁶. Несколько ранее в работе «Похождения Чичикова, или Мертвые души» критик говорит о высокой оценке Пушкиным именно Гоголя: «Гоголь — великий талант, гениальный поэт, <...> сам Пушкин первый понял и оценил талант Гоголя»¹⁷. Наконец (самое главное), в статье «Стихотворения М. Лермонтова» Белинский пишет: «Первая пьеса Лермонтова напечатана была в «Современнике» 1837 года, уже после смерти Пушкина. Она называется «Бородино»¹⁸. То есть критик не знал об издании до гибели Пушкина двух произведений Лермонтова — а ведь только их мог прочитать старший поэт. Таким образом, слова «талант застал и оценил Пушкин еще при жизни своей», без сомнения, относятся к Гоголю и в рассматриваемом смысле могут быть выведены из научного оборота.

Следующее свидетельство, выше детально разобранное, принадлежит графу А. В. Васильеву в передаче П. К. Мартыанова («Далеко мальчик пойдет»). Однако, как уже сказано, мемуары Мартыанова не являются вполне достоверным источником.

Последнее сообщение исходит от офицера уланского полка В. С. Глинки в передаче литератора В. П. Бурнашева, с которым он присутствовал на похоронах Пушкина 30 января 1837 года: «Мы с Глинкой пошли рядом. «У меня в кармане, — сказал Глинка, любивший тщеславиться тем, что он достает прежде многих различные стихи, пользовавшиеся рукописной славой, — прелестные стихи, которые вчера только ночью написал один лейб-гусар, тот самый Лермонтов, которого маленькая поэмка «Гаджи-Абрек» и еще кое-какие стишки были напечатаны в «Библиотеке для чтения» и которые тот, чьи останки мы сейчас видели, признавал блестящими признаками высокого таланта»¹⁹. В приведенной цитате настораживает ссылка на «тщеславного» В. Глинку: другие сведения о нем в обширных мемуарах XIX столетия отсутствуют; это «таинственное» лицо с неустановленными датами жизни не поддается исследованию. Но все же следует отметить: В. С. Глинка ошибается, утверждая, что Лермонтов напечатал при жизни Пушкина в «Библиотеке для чтения» кроме поэмы «еще кое-какие стишки». Низкая достоверность «Воспоминаний» Бурнашева была показана ранее.

Сообщения А. В. Васильева и В. С. Глинки, полученные из вторых рук (что удваивает их возможную ошибочность), вызывают вопросы, не имеющие убедительных ответов: где и когда Пушкин прочитал стихотворения Лермонтова? Поделится с кем-то впечатлениями? Конечно, П. К. Мартыанов и В. П. Бурнашев не обязаны в угоду потомкам все пояснять, но и мы не обязаны им бездоказательно верить. Следовательно, имеющиеся сведения о знакомстве Пушкина с творчеством Лермонтова достоверными признать нельзя.

Зато можно не сомневаться в обратном — Лермонтов хорошо знал произведения Пушкина и восхищался ими. Восхищение, вероятно, было неотделимо от потаенного желания в будущем познакомиться с Александром Сергеевичем. При этом молодой поэт вполне мог надеяться на доброе участие старшего, хотя, вероятно, лишь отрывоч-

но представлял, как тепло и поощрительно относился Пушкин к обширной плеяде начинающих литераторов, в числе которых были Ф. Н. Слепушкин, Е. П. Ростопчина, В. А. Соллогуб, Н. В. Гоголь, Н. А. Дурова, Э. И. Губер, А. А. Дельвиг, К. Ф. Рылеев, А. О. Ишимова, А. В. Кольцов. Если б не смерть Пушкина, то уже вскоре в этот список можно было бы добавить еще одно имя: Михаил Лермонтов.

* * *

Во второй половине XX столетия интерес к теме возможного знакомства Пушкина с Лермонтовым и его творчеством возобновился. Это нашло отражение в ряде опубликованных работ, дающих, как правило, положительные ответы на оба рассмотренные выше вопроса²⁰. Однако приводимая их авторами аргументация, на мой взгляд, неубедительна.

В качестве примера можно рассмотреть статью Е. А. Вагина (см. сноску 20), который априори полагает, что столь яркое в смысловом и эмоциональном отношении стихотворение, как «Смерть поэта», мог написать только тот, кто был лично знаком с Пушкиным, ибо «одного поэтического воображения, сознания величия национального гения» здесь «явно недостаточно». Утверждение по меньшей мере небесспорное. Внезапная смерть Пушкина стала невосполнимой личной утратой для Лермонтова, отныне навсегда утратившего желанную возможность встретиться со своим кумиром. Не только гнев, но и боль, и печаль пронизывают знаменитую эпитафию. Далее Вагин приводит сообщение П. А. Висковатого со ссылкой на графа В. А. Соллогуба о знакомстве Лермонтова с Пушкиным в салоне у А. О. Смирновой-Россет, справедливо считая его ошибочным. При этом высказывание графа о Лермонтове («он был тише воды, ниже травы») принимается автором статьи в качестве показателя «абсолютной достоверности факта знакомства двух поэтов». Только так — униженно, почему-то считает исследователь, должен был повести себя Лермонтов в присутствии Пушкина. И затем пишет, по сути, обесценивая свой же конечный вывод: «Где именно состоялось знакомство — неизвестно. <...> Нам не известны обстоятельства встречи поэтов, мы не знаем, о чем говорили они между собой. Но одно несомненно — Лермонтов встречал живого Пушкина, был представлен ему незадолго до роковой дуэли».

Между тем история литературы сохранила немало случаев создания произведений высочайшего уровня без личного общения автора с человеком, событием или местом, их породившим. Вот лишь два примера — «Персидские мотивы» Сергея Есенина и песни о войне Владимира Высоцкого.

Знакомство Пушкина с творчеством Лермонтова в обсуждаемой работе «подтверждается» ссылками на весьма сомнительные сообщения графа А. В. Васильева и офицера В. С. Глинки, а также явно неверное толкование той самой цитаты из статьи В. Г. Белинского.

В работе другого автора, Л. А. Краваль (см. сноску 20), сделана попытка доказать сразу все: Пушкин видел Лермонтова, запомнил и даже нарисовал его; был знаком с творчеством начинающего поэта и предрек тому будущую славу. Однако сенсационное заявление Краваль базируется на весьма шатких доводах, каждый из которых, как и их сумма, не обладает доказательной силой. Несложно представить реакцию литературного мира на обоснованное известие о том, что сам Пушкин нарисовал самого Лермонтова!

О недоказанности факта знакомства Лермонтова с Пушкиным, а также знакомства старшего поэта с творчеством младшего сожалеют многие. Навстречу любому, даже малодостоверному сообщению о состоявшейся встрече двух гениев с готовностью открываются сердца, а доводы в пользу обратного вызывают горечь. В старину поступали просто: гонцам с плохой вестью рубили головы. Английский писатель-юморист Джером К. Джером великолепно выразил это свойство нашего характера:

«Старичок в совсем мрачное утро, когда нам особенно необходима хорошая погода, опытным глазом оглядывает горизонт и говорит:

— Я думаю, прояснится, погода будет хорошая, сэр.

— Ну, он-то знает, — говорим мы, дружески прощаясь с ним и отправляясь в путь. И испытываем к этому человеку расположение, на которое несколько не влияет то обстоятельство, что погода не прояснилась, и дождь лил целый день. «Он сделал все, что мог», — думаем мы.

К человеку же, который предвещает плохую погоду, наоборот, питаем самые злобные чувства.